Проф. А. М. Гуляевъ.

БУДУЩЕЕ
КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

КІЕВЪ.
1905.

45

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1140
31

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 26 Марта 1905 г.

Оттискъ изъ №№ 34, 36, 40, 47, 54, 56, 59, 64, 72 и 81 „Кіевлянина“ за 1905 г.

Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Кіевѣ.

I.

Напряженное настроеніе, въ которомъ русское общество провело истекшій годъ, все еще не уступило мѣста успокоенію, при которомъ возможна прочная созидательная и плодотворная работа общественныхъ силъ.

Подъемъ національнаго сознанія въ началѣ войны скоро уступилъ всеобщему разочарованію подъ вліяніемъ первыхъ неудачъ на театрѣ войны, неудачъ, которыя, увы, неизмѣнно преслѣдовали насъ и завершились событіемъ тяжкимъ, горестнымъ, обиднымъ для національнаго сознанія.

Уже первыя военныя неудачи заставили насъ серьезнѣе углубить взоръ во внутреннія дѣла и во внутреннихъ отношеніяхъ искать объясненія тѣхъ нестроеній, которыя обнаружились на далекомъ театрѣ войны.

Внѣшнія условія не благопріятствовали спокойному изслѣдованію наболѣвшаго вопроса. Казалось и продолжаетъ казаться, что достаточно произнести одно слово, и все, что есть въ нашей жизни сквернаго, нечистаго и нечестнаго, измѣнится въ прекрасное, чистое и благородное. Но одно слово, какъ бы ни была велика его магическая сила, не способно пересоздать отношенія, измѣнить укладъ жизни. Нужно не одно слово, нужна цѣлая программа, твердое исполненіе которой создало бы условія жизни, воплощаемыя обыкновенно въ одномъ словѣ.

И такая программа теперь дана— въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г. Это программа широкихъ преобразованій. Она не нашла себѣ достодолжной оцѣнки въ столичной печати; печать провинціальная оказалась въ этомъ случаѣ болѣе отзывчивой, какъ стоящая ближе къ тѣмъ неприглядным условіямъ, въ которыхъ развивается нашъ повседневный обиходъ.

Въ поискахъ за казовыми концами всякой либеральной реформы, упустили изъ вида краеугольный камень предначертанныхъ указомъ преобразованій —планъ законодателя разрѣшить крестьянскій вопросъ.

Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса —въ его упраздненіи. Какъ до 1861 г. всѣ неустройства нашей жизни обусловливались существованіемъ крѣпостного права, и всѣ послѣдующія реформы 60-хъ годовъ вызваны были великимъ освободительнымъ актомъ, безъ котораго и самыя реформы были бы немыслимы и безцѣльны, такъ-же точно и теперь планъ реформы, касающейся крестьянъ, обусловливаетъ собою всѣ дальнѣйшія мѣропріятія, намѣченныя въ указѣ 12 декабря. Манифестъ 19 февраля 1861 г. создалъ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей. Правда, получивъ личную свободу, крестьяне еще не были сравнены во всѣхъ отношеніяхъ съ такъ называемыми привилегированными со-

словіями; къ такой свободѣ крестьяне и не были еще подготовлены, но предъ ними раскрывались широкіе горизонты усвоенія тѣхъ благъ, которыя, благодаря реформамъ Императора Александра II, стали достояніемъ свободныхъ сословій. Бытъ освобожденнаго крестьянства не былъ упорядоченъ; спѣшили только съ надѣленіемъ крестьянъ личной свободой, а разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ привести крестьянъ изъ несвободнаго состоянія въ состояніе свободное, отлагался на будущее время. Устройство крестьянъ получило временный характеръ, и такъ какъ крестьяне временно подлежали дѣйствію особыхъ законовъ объ управленіи и судѣ, то и возникла та временная обособленность крестьянъ, которую потомъ стали выдавать за одно изъ основныхъ началъ освободительнаго акта 19 февраля 1861 г. Такой взглядъ укоренился настолько прочно, что въ 80-хъ годахъ произведенъ былъ рядъ реформъ, направленныхъ дѣйствитель-

но къ обособленію крестьянства, къ новому его закрѣпощенію, но только не по отношенію къ помѣщикамъ, не по началамъ частнаго права, а по отношенію къ административнымъ властямъ—по началамъ права публичнаго Въ этихъ цѣляхъ возникла и проведена въ жизнь доктрина, что то, что хорошо для прочихъ сословій, для крестьянъ не пригодно, что крестьянство на всегда обречено оставаться подъ попечительнымъ надзоромъ спеціально для крестьянъ заведенныхъ чиновниковъ, которые въ одно и то-же время и администраторы, и судьи, и опекуны, и попечители, и проводники всякихъ культурныхъ мѣропріятій въ жизнь крестьянства. Обширныя функціи, возложенныя на этихъ чиновниковъ, оказались, въ большинствѣ случаевъ, не по плечу этимъ административнымъ помѣщикамъ, и теперь поставленное въ первую очередь подведеніе крестьянъ подъ общіе законы объ управленіи и судѣ представляетъ

собою новый шагъ на пути къ раскрѣпощенію крестьянъ. Этотъ предполагаемый шагъ не есть еще нѣчто новое въ сравненіи съ реформой 1861 г.; это—только возвращеніе на тотъ путь, съ котораго тенденціозно сошли въ 80-хъ годахъ; это результатъ признанія, что та опека крестьянства, которая водворилась съ начала 80-хъ годовъ, не привела къ намѣченнымъ цѣлямъ, а, напротивъ, привела къ явленіямъ совершенно нежелательнымъ: крестьянство обнищало—не подъ вліяніемъ однихъ только недородовъ, а также и благодаря отсутствію культурныхъ пріемовъ земледѣлія, благодаря первобытнымъ условіямъ землевладѣнія; народное просвѣщеніе свелось на нуль, не благодаря боязни науки среди крестьянъ, а вслѣдствіе невозможной постановки дѣла просвѣщенія, вслѣдствіе совершенно неумѣстной и безцѣльной борьбы между двумя типами школъ; чувство законности, уваженія личности, сознанія неприкосновен-

ности чужой собственности уступили мѣсто свое преклоненію передъ грубой физической силой, такъ какъ на крестьянство смотрѣли, какъ на среду, подчиняющуюся только авторитету силы, но не авторитету права, такъ какъ безвыходная зависимость крестьянъ отъ міра, отъ распоряженій ближайшаго начальства, и пріучила крестьянъ разсуждать о явленіяхъ ихъ быта не съ точки зрѣнія права и справедливости, а лишь съ точки зрѣнія осуществимости личныхъ желаній. И вотъ, если теперь снова провозглашена необходимость подведенія крестьянъ подъ общія начала законовъ объ управленіи и судѣ, то едва-ли умѣстно сравнивать указъ 12 декабря 1904 г. съ манифестомъ 19 февраля 1861 г., и новому акту о реформахъ придавать значеніе несравненно высшее, чѣмъ освободительному акту. Указъ только подтверждаетъ, что тѣ начала, которыя признаны были руководящими въ 60-хъ годахъ, должны почитаться таковыми и впредь; что

предполагавшіяся первоначально временными, а затѣмъ превратившіяся въ постоянныя мѣры упорядоченія быта освобожденнаго крестьянства должны быть замѣнены нормами общими для всего населенія; что произволъ административнаго усмотрѣнія долженъ уступить мѣсто проявленію законности во всѣхъ областяхъ народной жизни; что сферы правительственныхъ вѣдомствъ должны быть строго разграничены. Все это не ново, но все это чрезвычайно важно. И если оцѣнивать законъ не съ точки зрѣнія новизны проводимыхъ въ немъ идей, а съ точки зрѣнія рѣшимости законодателя провести эти идеи въ жизнь, отказаться отъ непосредственно предшествовавшаго и воскресить забытыя слова болѣе отдаленнаго прошлаго, то, несомнѣнно, указу 12 декабря предстоитъ сыграть видную роль въ дѣлѣ упроченія правопорядка въ нашемъ отечествѣ. Реформа начинается снизу, съ самыхъ широкихъ слоевъ населе-

нія—съ крестьянства. Она неизбѣжно отразится на всемъ строѣ государственной жизни. Это не частичная реформа, касающаяся одного лишь сословія. По огромному контингенту лицъ, затрагиваемыхъ грядущими преобразованіями, реформа эта всего менѣе будетъ сословною; она всесословна, какъ та мелкая частичка которая въ порядкѣ управленія и мѣстнаго хозяйства призвана будетъ замѣнить собою нынѣшнюю крестьянскую волость. А разъ эта реформа всесословна, то ею предопредѣляется дальнѣйшій ходъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій, которыя неизбѣжно приведутъ къ образованію цѣльнаго и прочнаго государственнаго организма, сознательно относящагося къ своимъ пользамъ и нуждамъ, чуждаго нынѣ существующей противоположности между управляющими и управляемыми, свободнаго отъ тяготѣющей надъ нимъ опеки, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ и разумѣнію. Если Россія—мужицкое цар-

ство, то преобразованіе мужичьяго быта есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, преобразованіе всего уклада государственной жизни. Разъ уже за крестьянствомъ признается достаточная зрѣлость, дѣлающая излишнимъ дальнѣйшее ихъ пребываніе подъ опекой, разъ крестьяне войдутъ въ общій строй государственнаго организма и благодаря участію въ разрѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ пріобрѣтутъ значеніе не объектовъ управленія, а самостоятельныхъ полноправныхъ субъектовъ—гражданъ, то распространеніе на многіе десятки милліоновъ новыхъ гражданъ общихъ законовъ обусловитъ такой пересмотръ дѣйствующаго права, въ результатѣ котораго получилось бы новое законодательство, соотвѣтствующее общимъ пользамъ и нуждамъ всего населенія. Дѣло сводится не къ одному только распространенію готоваго законодательства на крестьянъ, но въ гораздо большей мѣрѣ къ созданію новыхъ законовъ, которые удовлетворяли бы инте-

ресамъ всего населенія. Реформа законодательства приведетъ къ созданію безсословнаго права. Разрѣшеніе этой чрезвычайно важной государственной задачи начинается снизу; въ этомъ залогъ силы и значенія предстоящихъ реформъ. Непочатая область крестьянскихъ отношеній открываетъ передъ законодателемъ просторъ не къ измѣненію существующаго, а къ созданію совершенно новаго уклада жизни. Въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаетъ вопросъ о томъ, какъ должны сложиться имущественныя права крестьянъ въ области крестьянскаго землевладѣнія; восторжествуетъ-ли начало индивидуальное, или крестьянство по-прежнему останется при общемъ владѣніи, будетъ-ли то владѣніе общинное или подворное? Въ зависимости отъ разрѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ направленіи опредѣлится, какъ устроится бытъ крестьянъ, обречены-ли они на дальнѣйшую зависимость отъ міра, или каждый изъ

нихъ получитъ возможность развивать свою индивидуальность.

II.

Такъ какъ въ настоящее время предположено распространить на крестьянъ дѣйствіе общихъ законовъ, то въ области крестьянскаго землевладѣнія неизбѣжно возникаетъ вопросъ, какъ быть съ нынѣ существующими типами крестьянскаго землепользованія? Вопросъ этотъ, разумѣется, не касается тѣхъ земель, которыя и теперь принадлежатъ крестьянамъ по общимъ актамъ укрѣпленія, такъ какъ юридическое положеніе этого рода земель обсуждается на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Только земли, полученныя крестьянами въ надѣлъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, должны вызвать особыя мѣропріятія законодателя по уравненію крестьянъ съ прочими сословіями.

Выкупная операція для многихъ

мѣстностей еще далека отъ своего завершенія; но все же настанетъ день, когда нынѣшній условный характеръ владѣнія выкупленными землями прекратится, и тогда нужно будетъ немедленно дать готовый отвѣтъ на вопросъ, къ чему-же, въ смыслѣ юридическомъ, привела законченная выкупная операція—пріобрѣли-ли крестьяне право собственности, какъ это право опредѣляется общими гражданскими законами, или крестьянскія надѣльныя земли составляютъ объектъ своеобразнаго права, не совпадающаго съ „юридическимъ господствомъ лица надъ вещью“, съ „правомъ исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться имѣніемъ“.

Разрѣшеніе этого вопроса въ первомъ смыслѣ диктуется общимъ положеніемъ 19 февраля 1861 г., въ нѣкоторыхъ своихъ началахъ пришедшимъ, правда, въ забвеніе. Послѣдующія наслоенія на почвѣ первоначаль-

ной редакціи положенія и развившаяся на почвѣ этихъ наслоеній судебная практика дають основаніе къ разрѣшенію поставленнаго вопроса въ направленіи противоположномъ.

Разрѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, со стороны юридической техники, не представитъ особенныхъ затрудненій, напротивъ, разрѣшеніе вопроса во второмъ смыслѣ представляетъ для законодателя задачу огромной трудности. Но такъ какъ то или иное рѣшеніе вопроса должно интересовать законодателя не только съ точки зрѣнія законодательной техники, но также —и это въ гораздо большей мѣрѣ—съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ окончательно освобожденнаго крестьянина, то прежде чѣмъ, высказаться рѣшительно по вопросу о судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія, необходимо остановиться на выясненіи экономическихъ выгодъ и неудобствъ, сопряженныхъ съ тѣмъ или инымъ типомъ землевладѣнія, принявъ при этомъ въ сообра-

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

женіе, что провозглашеніе надѣльной земли за объектъ свободной собственности приведетъ неминуемо крестьянское землевладѣніе къ чрезвычайной дробности.

Въ настоящее время крестьянское землевладѣніе сводится къ двумъ типамъ: общинному и подворному. Различіе между ними заключается въ томъ, что при общинномъ владѣніи только усадебная земля составляетъ предметъ постояннаго обладанія для лицъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго двора, тогда какъ полевыя угодія подлежатъ періодическимъ передѣламъ; напротивъ, при подворномъ владѣніи и полевая, и усадебная земля являются предметомъ постояннаго обладанія двора. Которому изъ этихъ двухъ типовъ землевладѣнія отдать предпочтеніе? Вопросъ этотъ ставится въ виду одновременнаго существованія обоихъ типовъ. Въ существѣ своемъ оба типа землевладѣнія одинаковы, если сопоставлять подворное владѣніе съ общиннымъ въ

періодъ между двумя передѣлами и имѣть въ виду незаконченность выкупной операціи: надѣлъ составляетъ достояніе двора, а не объектъ индивидуальнаго права домохозяина; если-же принять въ соображеніе возможность передѣла общинныхъ угодій, то получится, что подобно тому, какъ подворный участокъ принадлежитъ двору, земля общинная принадлежитъ дворамъ: различіе не качественное, а только количественное. Но такая схема— слабое утѣшеніе для той владѣльческой клѣточки, которую представляетъ изъ себя дворъ. Если бы возможно было установить, что населеніе всѣхъ дворовъ общины въ такой же мѣрѣ солидарно въ своихъ интересахъ, какъ это предполагается Сенатомъ относительно населенія одного двора, владѣющаго участкомъ подворнымъ, то между обоими типами землевладѣнія существовала бы лишь одна количественная разница, свидѣтельствующая о большей въ одномъ случаѣ и мень-

шей въ другомъ степени сознанія коллективныхъ интересовъ. Но дѣло въ томъ, что предположеніе сознанія коллективныхъ интересовъ—только предположеніе, удобный способъ конструированія юридическихъ понятій, при помощи которыхъ разрѣшаются конкретные казусы; а въ дѣйствительности предположеніе не соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ, оно оказывается искусственнымъ, вовсе не совпадающимъ съ индивидуальными экономическими потребностями.

Общинный типъ землевладѣнія оказывается не выдержаннымъ благодаря индивидуализаціи хозяйствъ, выдѣленію дворамъ особыхъ усадебъ въ ихъ постоянное пользованіе. Послѣдовательное проведеніе начала общиннаго владѣнія требовало-бы и веденія хозяйства соединенными усиліями всѣхъ членовъ общины, съ тѣмъ, чтобы и хозяйственные доходы распредѣлялись между всѣми членами общины въ мѣру потребности каждаго. На самомъ

дѣлѣ этого нѣтъ. Существуютъ подворныя хозяйства, веденіе которыхъ встрѣчаетъ ограниченія со стороны другихъ такихъ-же хозяйствъ. О развитіи индивидуальнаго хозяйства здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ каждая личность и совокупность личностей—дворъ находятся въ полномъ подчиненіи міру.

Если нѣкогда веденіе хозяйства общиною и соотвѣтствовало истиннымъ потребностямъ крестьянскаго населенія, —а чрезъ эту стадію развитія земледѣльческаго хозяйства прошли и другіе народы, правда, въ средніе вѣка; если затѣмъ на этой почвѣ развились мѣропріятія патримоніальныя помѣщиковъ, да и фискальные интересы правительства съ большимъ удобствомъ могли быть осуществляемы по отношенію къ общинѣ, а не по отношенію къ отдѣльнымъ ея членамъ; если такимъ образомъ, частью по естественнымъ условіямъ, а еще въ большей мѣрѣ благодаря административнымъ

воздѣйствіямъ, община сохранилась до нашихъ дней,—то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это была такая совершенная форма землевладѣнія и хозяйства, касаться которой, благодаря ея внутреннимъ достоинствамъ, не должно и въ настоящее время. Недавнее упраздненіе круговой поруки уничтожаетъ главное условіе дальнѣйшаго существованія общины въ интересахъ фискальныхъ; остаются интересы хозяйственные, экономическіе, частные интересы владѣльцевъ, а не соображенія фискальной пользы. Защищать теперь общину отъ разложенія на индивидуальныя хозяйства—если это явленіе угрожаетъ общинѣ,—едва-ли составляетъ для законодателя благодарную задачу. Если проявленіе индивидуализма достигло у крестьянъ-общинниковъ достаточной интенсивности, то всякія мѣры законодателя, направленныя къ предотвращенію разложенія общины, не достигнутъ своей цѣли; община распадется, если хозяйственные интересы

населенія не заставятъ общинниковъ сохранить общинный порядокъ владѣнія; если-же такихъ побужденій къ сохраненію общины не будетъ, то общинное владѣніе разложится прежде всего во владѣніе подворное; здѣсь восторжествуютъ индивидуальные интересы болѣе мелкаго коллективнаго субъекта—двора. Общинный типъ владѣнія великороссійскаго уступитъ мѣсто тому типу крестьянскаго землевладѣнія, какой наблюдается въ настоящее время въ губерніяхъ малороссійскихъ, сѣверо- и юго-западныхъ.

Переходъ общиннаго владѣнія въ подворное—это лишь одинъ изъ моментовъ развитія, которое въ подворномъ владѣніи еще не достигаетъ своего завершенія. За подворнымъ владѣніемъ, которое является владѣніемъ коллективнаго все-же субъекта, слѣдуетъ владѣніе индивидуальное, владѣніе на правѣ собственности: это идеалъ, къ которому стремится всякое владѣніе. Измѣненія, которымъ подвергает-

ся общинное владѣніе, останутся-ли безслѣдными для судьбы подворнаго владѣнія, или-же эволюція общиннаго владѣнія отразится и на высшей формѣ коллективнаго владѣнія—владѣнія подворнымъ участкомъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо остановиться на выясненіи современнаго положенія подворнаго владѣнія.

III.

Подворное владѣніе—только миніатюра владѣнія общиннаго, разсматриваемаго даже не съ точки зрѣнія отношеній, существующихъ между двумя предѣлами. Подобно тому, какъ общинная земля считается принадлежащею отвлеченному понятію общинѣ, такъ подворные участки мыслятся принадлежащими двору, также отвлеченному понятію, въ практикѣ Сената получающему даже признаніе юридическаго лица. Такая квалификація владѣнія надѣломъ приводитъ къ своеобразной

конструкціи отношеній между членами двора. Право на владѣніе надѣльною землей принадлежитъ коллективному субъекту, но это владѣніе не есть общее владѣніе, способное черезъ раздѣлъ превратиться во владѣніе индивидуальное, подобно тому, какъ, напримѣръ, совладѣніе городскихъ обывателей совмѣстно пріобрѣтеннымъ ими имуществомъ, можетъ быть ликвидировано и превращено въ нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ владѣній. Надѣлъ считается имуществомъ нераздробляемымъ. Значитъ, все населеніе двора навсегда обречено на совмѣстное владѣніе, безъ возможности его прекращенія. Размѣры надѣла неизмѣнны, а населеніе двора можетъ измѣняться въ силу естественныхъ или искусственныхъ причинъ—вслѣдствіе рожденія и смерти членовъ, вслѣдствіе выходовъ изъ двора и вступленія въ него путемъ браковъ и усыновленій (примачество). Возможность измѣненій въ составѣ членовъ подворной семьи,

при юридической невозможности дробленія земли, приводитъ къ необходимости опредѣлить, каковы же внутреннія отношенія между лицами, составляющими населеніе двора. Первоначально въ крестьянскомъ дворѣ хотѣли видѣть идиллію: всѣ живутъ подъ властью старшаго во дворѣ лица, домохозяина, который, подобно римскому pater familias, является единственнымъ субъектомъ права на надѣлъ; хотя земля и надѣлена въ интересахъ обезпеченія быта крестьянской семьи, но одному только домохозяину принадлежитъ право распоряжаться надѣломъ, опредѣлять его хозяйственное назначеніе и устанавливать размѣръ участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣльной землею; за домохозяиномъ же признавалось и право отчуждать надѣлъ, причемъ предполагалось, что и отчужденіе производится въ интересахъ всего двора. Такой взглядъ на надѣлъ находилъ свое оправданіе въ первообразной семьѣ перваго

поколѣнія только-что освобожденнаго крестьянства. Но уже во второмъ поколѣніи эта теоретическая конструкція оказалась несостоятельной. Первообразная семья распалась на нѣсколько семей, и населеніе двора оказалось состоящимъ не изъ членовъ одной семьи, а изъ нѣсколькихъ семей: во дворѣ уже живетъ родъ, въ большинствѣ случаевъ уже лишившійся своего родоначальника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ населеніе двора вошли новыя лица, не связанныя уже узами кровнаго родства съ первоначальнымъ составомъ двора. Естественнаго домохозяина—родоначальника, уже нѣтъ въ живыхъ. Но такъ какъ дворъ не мыслимъ безъ домохозяина, являющагося представителемъ совокупности лицъ, объединенныхъ владѣніемъ однимъ участкомъ земли, то пришлось остановиться на вопросѣ, кто же этотъ домохозяинъ при распавшейся первообразной семьѣ, каковы его права по отношенію къ прочимъ членамъ двора, каковы вза-

имныя отношенія членовъ двора? Разрѣшая эти вопросы, стали учить, что домохозяиномъ является старшее по лѣтамъ во дворѣ лицо. Очевидно, что этотъ домохозяинъ уже не то, чѣмъ былъ родоначальникъ первообразной семьи. Это уже не pater familias, а лишь представитель коллективнаго субъекта; за такимъ представителемъ уже не могутъ быть признаваемы права неограниченнаго и безконтрольнаго распоряженія всѣмъ надѣломъ, онъ представитель двора только во внѣ, а внутри двора власть его оказывается несомнѣнно ограниченной. Тѣхъ общихъ интересовъ, носителемъ которыхъ былъ домохозяинъ первообразной семьи, во второмъ поколѣніи уже не наблюдается, потому что фактически хозяйство ведется не всѣмъ населеніемъ двора сообща, а каждою изъ составныхъ семей въ отдѣльности, и во дворѣ можетъ быть столько особыхъ интересовъ, сколько отдѣльныхъ семей. Но такъ какъ и при наличности этихъ

раздѣльныхъ интересовъ, объектомъ владѣнія оказывается все же нераздѣльный участокъ земли, то, въ цѣляхъ поддержанія этой нераздѣльности стали учить, что владѣніе надѣломъ принадлежитъ союзу не кровному, а трудовому, „рабочей семьѣ“,—понятію совершенно чуждому для крестьянскаго правосознанія.

Эта кабинетная конструкція не находитъ себѣ отзвуковъ въ реальныхъ условіяхъ крестьянскаго быта. На самомъ дѣлѣ, ни о какомъ рабочемъ союзѣ, ни о какихъ интересахъ крестьянскаго двора крестьяне не думаютъ: каждый изъ нихъ, или, лучше сказать, каждая отдѣльная семья изъ живущихъ во дворѣ, имѣетъ свои отдѣльные интересы, быть можетъ и аналогичные съ интересами прочихъ семей, но во всякомъ случаѣ совершенно самостоятельные; каждый владѣетъ отдѣльными участками, на которые подѣленъ фактически надѣлъ; каждый, соотвѣтственно размѣрамъ своего владѣнія, отбы-

ваетъ повинности и уплачиваетъ выкупные платежи; каждый считаетъ себя въ правѣ распоряжаться своей землей, отчуждая ее прижизненными сдѣлками и совершая о ней духовныя завѣщанія; каждый стремится, такимъ образомъ, къ осуществленію индивидуальнаго господства надъ своимъ клочкомъ земли. Это стремленіе къ индивидуальному обладанію такъ сильно, что съ этимъ приходится считаться и кабинетной теоріи, которая, дѣлая уступку запросамъ жизни, въ послѣднее время требуетъ допущенія фактическихъ раздѣловъ надѣльной земли между членами двора, хотя и не поступается теоретической конструкціей о юридической нераздѣльности двора.

И вотъ создается непримиримый разладъ между юридической конструкціей и реальными явленіями жизни. Для теоріи—надѣлъ составляетъ нераздробляемое имущество; на дѣлѣ—подворный участокъ раздробленъ настолько самостоятельныхъ владѣній, сколько

во дворѣ живетъ семей; для теоріи существуютъ какіе-то общіе интересы двора, а на дѣлѣ такихъ интересовъ не существуетъ, а есть интересы отдѣльныхъ семей; въ теоріи надѣлъ составляетъ нѣчто цѣлое, на самомъ дѣлѣ такая цѣльность оказывается только фикціей. Этотъ разладъ между теоріей и жизнью приводитъ къ тому, что крестьяне теоріей не руководствуются, а устраиваютъ свои отношенія по правиламъ общаго закона, разсматривая свое владѣніе, какъ осуществленіе своего права собственности. Борьба между фикціей и реальными условіями жизни не всегда оканчивается торжествомъ фикціи. На помощь фактическимъ отношеніямъ приходитъ давность, создающая если не права, то фактическія положенія, защищаемыя противъ проявленія юридическихъ притязаній. Несмотря на недопустимость, съ точки зрѣнія закона, отчужденій надѣла фактическими владѣльцами, сдѣлки отчужденія совершаются ежедневно, правда,

не въ формѣ предписываемой закономъ для свободныхъ земель, но въ формахъ аналогичныхъ. Продавать надѣлъ съ дробленіемъ его на части законъ запрещаетъ. но владѣльцы продаютъ свои участки, совершая для этого домашнія сдѣлки. предъ лицомъ закона подобнаго рода сдѣлки недѣйствительны и легко могутъ быть оспорены. Эта возможность оспариванія сдѣлокъ открываетъ широкій просторъ недобросовѣстности сторонъ и ведетъ къ тяжелымъ экономическимъ послѣдствіямъ для пріобрѣтателей. Одна лишь исковая давность защищаетъ пріобрѣтателя противъ притязаній, основанныхъ на буквѣ закона. Совершаются и сдѣлки залога, совершаются и завѣщательныя распоряженія относительно надѣльной земли; убѣдить крестьянъ въ томъ, что подобнаго рода сдѣлки не могутъ опредѣлять юридическую судьбу надѣльнаго имущества, можетъ только судъ; но. покамѣстъ дѣло дойдетъ до суда, клочокъ надѣльной земли успѣетъ иной

разъ перемѣнить нѣсколькихъ фактическихъ владѣльцевъ, и въ предѣлахъ исковой давности поворотъ владѣнія влечетъ за собою рядъ послѣдовательныхъ разореній.

Очевидно, въ такомъ положеніи вопросъ о владѣніи надѣлами оставаться не можетъ. Очевидно, нужно будетъ создать твердыя опредѣленія закона о правѣ на надѣльныя земли, въ особенности тогда, когда закончится выкупная операція и когда послѣдніе владѣльцы въ правѣ будутъ предложить вопросъ, какія-же юридическія отношенія возникли для нихъ по поводу выкупленной ими надѣльной земли?

IV.

Выкупная операція разсчитана была первоначально на сорокъ девять лѣтъ. Хотя для большей части крестьянъ въ 1883 г. установлена была отсрочка выкупа надѣльныхъ земель, такъ что операція завершится

черезъ 28 лѣтъ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ принадлежатъ и юго-западныя губерніи и на которыя не распространена отсрочка, завершенія выкупной операціи наступитъ уже черезъ пять лѣтъ. Если такимъ образомъ для большей части Имперіи еще въ теченіе жизни цѣлаго поколѣнія вопросъ о результатахъ выкупной операціи можетъ остаться не рѣшеннымъ, то для прочихъ мѣстностей уже скоро возникнетъ вопросъ, что-же пріобрѣтено крестьянами съ окончаніемъ выкупа и, еще конкретнѣе,—кто изъ крестьянъ пріобрѣлъ то право, объектомъ котораго является надѣлъ? Дѣло въ томъ, что ко времени окончанія выкупной операціи земля уже не будетъ состоять во владѣніи тѣхъ лицъ, которымъ она была надѣлена первоначально. Фактически надѣлы раздробились на части, состоящія во владѣніи отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ семей, иногда вовсе и не принадлежащихъ къ потомству первоначальныхъ

пріобрѣтателей. Несмотря на запрещения закона, надѣльныя земли и въ цѣломъ составѣ, и по частямъ переходили отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, безъ измѣненія однако-же означеній земли въ подворной описи, такъ что земля, состоящая нынѣ во владѣніи какого-нибудь Иваненко, по выкупнымъ документамъ значится все еще записанной за первоначально надѣленнымъ ею крестьяниномъ Петренкомъ. Съ окончаніемъ выкупной операціи возникнетъ вопросъ, кто-же имѣетъ право на землю—первоначальный-ли ея пріобрѣтатель, или фактическій владѣлецъ? кому выдать крѣпостной актъ—тому-ли, кто значится записаннымъ въ подворной описи, или тому, кто въ настоящее время владѣетъ землей? Такъ какъ тѣ владѣльцы, которыхъ застигнетъ окончаніе выкупа, отбывали за землю повинности и вносили выкупные платежи, то вопросъ о томъ, въ чью пользу долженъ окончиться выкупъ, подлежитъ разрѣше-

нію именно въ интересахъ фактическихъ владѣльцевъ. Если при этомъ выкупленный надѣлъ въ цѣломъ своемъ составѣ окажется въ рукахъ одного домохозяина, то разрѣшеніе формальнаго вопроса о томъ, на чье имя написать крѣпостной актъ, не представитъ затрудненій; но если, какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, надѣлъ успѣлъ раздробиться между нѣсколькими самостоятельными хозяевами, то прежнее единство надѣла окажется уже не существующимъ, крѣпостныхъ актовъ будетъ больше, чѣмъ сколько въ подворной описи значится надѣльныхъ участковъ, и въ рукахъ одного домохозяина можетъ оказаться не одинъ крѣпостной актъ, а нѣсколько, соотвѣтствующихъ тѣмъ дробнымъ частямъ надѣльной земли, которыя успѣли сосредоточиться во владѣніи даннаго домохозяина. Во всякомъ случаѣ первоначальное болѣе или менѣе уравнительное распредѣленіе надѣльной земли окажется нарушеннымъ. Затѣмъ все

еще остается не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, какія-же права пріобрѣтены крестьянами на выкупленныя земли? Въ положеніи о выкупѣ „излагаются правила о содѣйствіи правительства, посредствомъ выкупной операціи (выкупа), къ пріобрѣтенію крестьянами въ *собственность* отведеннаго имъ надѣла“,—такъ гласитъ ст. 1 пол. вык. изд. 1902 г., отличающаяся только въ редакціонномъ отношеніи отъ соотвѣтствующей статьи по изд. 1861 г. Значитъ, не можетъ быть сомнѣній о природѣ права, которое пріобрѣтутъ крестьяне, съ окончаніемъ выкупной операціи,—это будетъ право собственности, это будетъ то магическое право, которое обращаетъ безплодныя скалы въ цвѣтущій садъ и превращаетъ сыпучіе пески въ золото.

Но на такомъ рѣшеніи вопроса законодатель не можетъ успокоиться. Право собственности имѣетъ магическую силу въ экономическомъ отношеніи,—это правда; но юридическое го-

сподство надъ землей — господство неограниченное, можетъ имѣть не только эти положительныя послѣдствія: свобода отчужденій при экономической слабости одного владѣльца и при экономической силѣ другого, легко можетъ привести къ тому, что въ рукахъ одного лица сосредоточится большое количество земель, тогда какъ экономически слабые субъекты окажутся совершенно лишенными земли, и, такимъ образомъ, попадутъ въ экономическую зависимость отъ болѣе богатыхъ. Къ подобному явленію не можетъ оставаться законодатель равнодушнымъ. Основная цѣль надѣленія крестьянъ землею—обезпеченіе быта крестьянскихъ семействъ—окажется недостижимой. Безпрепятственное соединеніе въ рукахъ одного владѣльца нѣсколькихъ надѣловъ и соотвѣтствующее этому обезземеленіе прочихъ крестьянъ поведетъ къ образованію безземельнаго пролетаріата,—грознаго и печальнаго явленія, къ борьбѣ съ которымъ на-

правлены были усилія законодателя со времени освободительнаго акта 1861 г. Нельзя-же сказать, чтобы въ настоящее время цѣли законодателя измѣнились и чтобы устрашавшая прежде возможность обезземеленія крестьянъ утратила въ настоящее время свой грозный характеръ. Земледѣльческое населеніе не должно быть лишаемо земли. Законъ долженъ придти на помощь экономически слабымъ субъектамъ и оказать возможное содѣйствіе къ сохраненію за ними той земли, которая надѣлена была имъ въ цѣляхъ поддержанія крестьянскаго, преимущественно земледѣльческаго, быта. Эту задачу возможно разрѣшить, не нарушая первоначальной цѣли законодателя—создать изъ крестьянъ мелкихъ собственниковъ. Пусть крестьяне, какъ это и обѣщано было имъ положеніемъ 1861 г., пріобрѣтутъ право собственности на выкупленные ими надѣлы; но отъ законодателя будетъ зависѣть опредѣлить порядокъ отчужденій и пріо-

брѣтенiй надѣльной земли такимъ способомъ, чтобы, не касаясь содержанiя права на надѣльную землю, предотвратить возможность скопленiя въ рукахъ одного домохозяина большого количества надѣльной земли и соотвѣтственное сему оскудѣнiе другихъ хозяевъ. Это не значитъ, что законодатель поставитъ своею цѣлью препятствовать развитiю благосостоянiя отдѣльныхъ хозяевъ; его цѣль будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы надѣльный фондъ не утратилъ своего назначенiя, чтобы въ рукахъ сравнительно немногихъ лицъ не сосредоточивалась та земля, которая по мелкимъ участкамъ должна быть распредѣлена между многочисленными представителями сельскаго состоянiя. Пусть тѣ, кто можетъ и хочетъ пріобрѣтать землю, обратятся къ землямъ внѣнадѣльнымъ, къ землямъ частныхъ владѣльцевъ; но надѣльныя земли пусть остаются объектомъ не подлежащимъ спекуляцiи и доступнымъ обладанiю исключительно мелкихъ зе-

младѣльцевъ-крестьянъ. Въ точномъ опредѣленіи правъ крестьянъ на выкупленную надѣльную землю и въ примиреніи частныхъ интересовъ домохозяевъ съ болѣе общими государственными интересами и заключается задача законодателя въ области вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія. До настоящаго времени эта задача обращала на себя вниманіе законодателя главнымъ образомъ съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ, а интересы частные домохозяевъ отодвинуты были на задній планъ,—тѣмъ болѣе, что незначительное количество окончательно выкупленныхъ земель и не давало повода къ разрѣшенію относящихся къ этой области вопросовъ. Но теперь, когда въ основу грядущихъ преобразованій положено уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями, нельзя уже отступать предъ сложностью задачи, нельзя отодвигать ея разрѣшеніе въ безконечную даль и предоставлять все „мѣстнымъ обычаямъ“, самое су-

ществованіе которыхъ подлежитъ большому сомнѣнію. Именно теперь слѣдуетъ разрѣшить вопросъ, что будетъ съ надѣльной землей, когда она будетъ выкуплена, сохранитъ-ли она за собою особый характеръ, или, обезличенная, она войдетъ въ общій составъ недвижимыхъ имѣній, подлежащихъ дѣйствію общихъ нормъ гражданскаго права и, слѣдовательно, станетъ объектомъ свободнаго пріобрѣтенія и неограниченнаго ничѣмъ отчужденія. Разрѣшеніе вопроса въ послѣднемъ смыслѣ можетъ имѣть самыя роковыя послѣдствія для экономическаго строя всего государства.

V.

Надѣливъ крестьянъ землею, законодатель разрѣшилъ чрезвычайно важную задачу государственной и экономической политики: земледѣльцы стали и землевладѣльцами. Правда, задача разрѣшена только въ принципѣ. Землею обезпечено было крестьянство, а

не отдѣльные крестьяне, права которыхъ на надѣльную землю представляются до сего времени проблематичными.

Надѣливъ крестьянство землею, правительство приложило заботы къ тому, чтобы земля не вышла изъ обладанія крестьянскаго сословія и не перешла бы въ руки другихъ сословій; мало того, обнаружилась забота и о томъ, чтобы надѣльныя земли оставались только за крестьянами, принадлежащими къ данному крестьянскому обществу. Заботы эти были вызваны соображеніями болѣе теоретическаго, чѣмъ практическаго свойства, потому что у крестьянъ вовсе не обнаруживалось стремленія освободиться отъ земли. Напротивъ, статистическія данныя относящіяся ко времени, предшествующему изданію закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, свидѣтельствуютъ о явленіи какъ разъ противоположномъ: изъ 96 милліоновъ дес. надѣльной земли крестьянами выкуплено было

1,204,000 десятинъ, и изъ послѣдняго количества только 122,517 десятинъ продано было крестьянами посторонним лицамъ (т. е. некрестьянамъ), такъ что убыль надѣльныхъ земель за 30 лѣтъ составляетъ ничтожную величину въ 0,12 процента; въ то же время крестьяне, между прочимъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка, пріобрѣли 8,307,918 десятинъ, такъ что прибыль крестьянскаго землевладѣнія превышаетъ убыль въ 67 разъ! Эти цифры, заимствованныя изъ изслѣдованія А. А. Риттиха „Зависимость крестьянъ отъ общины и міра“ (стр. 86 и сл.), краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что опасенія обезземеленія крестьянства неосновательны. Стремленіе крестьянъ пріумножить свое земельное богатство явно обнаружилось еще до изданія закона 14 декабря 1893 года; съ того времени, естественно, крестьянское землевладѣніе еще болѣе расширилось, такъ какъ надѣльныя земли, въ силу ограничительнаго

закона, не могутъ выйти изъ обладанія крестьянъ, а количество пріобрѣтаемыхъ ими отъ другихъ сословій земель постепенно возрастаетъ. Разумѣется, среднія цифры могутъ дѣйствовать успокоительно лишь при изслѣдованіи вопроса объ общемъ положеніи крестьянскаго землевладѣнія. Если же вслѣдъ за тѣмъ обратиться къ вопросу о земельномъ обезпеченіи отдѣльныхъ крестьянъ, то этотъ вопросъ представляется далеко не въ такомъ освѣщеніи, какъ общій вопросъ о ростѣ крестьянскаго землевладѣнія. Важно не только чтобы во владѣніи крестьянскаго сословія была земля; не въ меньшей мѣрѣ важно и то, чтобы отдѣльные крестьяне владѣли землею на твердомъ основаніи, опредѣляющемъ ихъ права на состоящую въ ихъ владѣніи землю. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи законъ не дастъ никакихъ руководящихъ опредѣленій, а практика Сената, замѣняющая для судебныхъ мѣстъ законъ, разрабатывая по поводу отдѣльныхъ

казусовъ вопросъ о правѣ крестьянъ на надѣлъ, менѣе всего можетъ служить образцомъ послѣдовательности и далека отъ того, чтобы создать общепризнанныя руководящія начала, коими опредѣлялось бы юридическое положеніе надѣльной земли. На почвѣ скудныхъ указаній закона практика Сената учитъ, что подворный участокъ составляетъ нераздробляемое имущество, что надѣлъ составляетъ достояніе наличныхъ членовъ крестьянскаго двора, что члены двора владѣютъ и пользуются землею не въ личныхъ своихъ интересахъ, а въ интересахъ отвлеченнаго понятія. А практика жизни показываетъ совсѣмъ иное: она показываетъ, что крестьяне въ настоящее время не знаютъ интересовъ двора, что каждый изъ нихъ, или каждая изъ проживающихъ во дворѣ семей, владѣетъ и пользуется частями надѣла въ своихъ индивидуальныхъ интересахъ, что надѣлъ только по документамъ сохраняетъ характеръ нераздробляемаго имущества,

а на самомъ дѣлѣ земля подѣлена на дробные участки, состоящіе въ постоянномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, являющіеся объектомъ самостоятельныхъ сдѣлокъ, переходящіе отъ одного владѣльца къ другому въ порядкѣ завѣщательнаго преемства и безъ завѣщанія (наслѣдство по закону), что каждый изъ владѣльцевъ распоряжается своимъ участкомъ по началамъ индивидуальнаго обладанія. Практика жизни находитъ себѣ сильную опору въ законахъ о давности. По давности владѣнія нельзя пріобрѣсти права на владѣніе надѣльной землей на условіяхъ выкупа, потому что давностью владѣнія пріобрѣтается только право собственности; случаи пріобрѣтенія права собственности на надѣльныя земли по давности владѣнія теоретически мыслимы, но на практикѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Напротивъ, давностью исковой санкціонируется всякое неправомѣрно возникшее отношеніе къ надѣльной землѣ: достаточно доказать,

что истецъ болѣе десяти лѣтъ не оспаривалъ возникшаго для отвѣтчика отношенія къ надѣльной землѣ, и это отношеніе на будущее время пріобрѣтаетъ характеръ относительной неуязвимости; благодаря возраженію о давности пріобрѣтаютъ достаточно прочный характеръ отношенія по владѣнію невыкупленными надѣлами и ихъ частями. Отчуждать надѣлъ по частямъ законъ запрещаетъ; а на самомъ дѣлѣ каждый крестьянинъ, владѣющій частью надѣла, считаетъ себя въ правѣ распорядиться своею землею въ качествѣ неограниченнаго хозяина: если съ теченіемъ времени продавецъ захочетъ отнять у покупщика уступленную послѣднему землю, то либо возраженіемъ о давности, либо ссылкой на продажную сдѣлку требованіе истца будетъ отпарировано, и для покупщика возникло на надѣльную землю, имъ пріобрѣтенную, такое-же право, какое признавалось за продавцомъ, и подобно тому, какъ продавецъ владѣлъ своею

землею съ обязанностью вносить за свой участокъ выкупные платежи, такъ теперь покупщикъ будетъ уплачивать выкупъ за пріобрѣтенный имъ участокъ. Надѣльную землю нельзя закладывать, говоритъ законъ; а на самомъ дѣлѣ залоговыя сдѣлки между крестьянами совершаются, будучи лишь облекаемы не въ форму закладныхъ, а переуступочныхъ сдѣлокъ, что открываетъ широкій просторъ къ нарушенію побочныхъ, невыраженныхъ въ сдѣлкахъ, соглашеній.

Цѣль закона, воспрещающаго залоговыя сдѣлки, понятна: надѣльныя земли не должны быть отчуждаемы путемъ обращенія на нихъ взысканій. Но цѣль эта не достигается, потому что то, что является возможнымъ, но неизбѣжнымъ послѣдствіемъ залогового права—отчужденіе надѣла, наступаетъ въ силу сдѣлки, совершаемой въ обходъ ограничительнаго закона.

Законъ не воспрещаетъ завѣщательныхъ распоряженій относительно на-

дѣльной земли. Воспрещеніе такихъ распоряженій противорѣчило-бы опредѣленію духовнаго завѣщанія въ сводѣ законовъ гражданскихъ (ст. 1010). Сенатъ высказалъ иной взглядъ (рѣш. общ. собр. 1897 г. № 29): надѣльныя земли не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Но это опять только теорія, а на практикѣ невозможно убѣдить крестьянина въ томъ, что земля, которою онъ владѣетъ, пользуется и распоряжается, какъ полноправный хозяинъ, не можетъ быть имъ завѣщана. И въ самомъ дѣлѣ, рѣдкій крестьянинъ, владѣющій надѣльнымъ участкомъ, не распорядится о его судьбѣ предъ своею смертью. Выразить свою волю на смертномъ одрѣ каждый крестьянинъ считаетъ своимъ долгомъ въ отношеніи членовъ своей семьи. И вотъ, если крестьянское завѣщаніе не дойдетъ до суда, то содержаніе его будетъ въ большинствѣ случаевъ исполнено; затѣмъ давность освятитъ возникшія въ силу завѣщанія фактическія отно-

шенія по владѣнію надѣломъ. Какъ путемъ завѣщаній и прижизненныхъ сдѣлокъ, такъ и въ силу факта смерти домохозяина, не оставляющаго завѣщанія, надѣлъ подвергается раздробленію между „наслѣдниками“ домохозяина. Каждый изъ пріобрѣтателей надѣльной земли смотритъ на свой участокъ, какъ на объектъ неограниченнаго своего права, и въ силу такого взгляда надѣльная земля обречена на раздробленіе фактическое при сохраненіи теоретическаго положенія о недѣлимости надѣльныхъ земель. Очевидно, что законъ и теорія, выражающаяся въ рѣшеніяхъ Сената, не совпадаютъ съ требованіями жизни; очевидно, что отвлеченныя нормы не достигаютъ своей цѣли, потому что онѣ не проводятъ до конца своего основного принципа. Не отказываясь отъ взгляда на надѣлъ, какъ на земельный фондъ, предназначенный для обезпеченія крестьянства, законодателю предстоитъ принять твердое рѣшеніе въ вопросѣ о характерѣ

права крестьянъ на надѣлъ, и либо признать его объектомъ права собственности, либо провозгласить его имуществомъ, изъятымъ изъ-подъ дѣйствія общихъ нормъ гражданскаго оборота. Разрѣшая вопросъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, нужно будетъ выработать положенія, которыя далеко оставятъ за собою теорію Сената. Доведенная до крайнихъ своихъ послѣдствій, новая теорія покажетъ, что внѣ признанія индивидуальныхъ правъ на землю нельзя искать спасенія. Но признаніе индивидуальныхъ правъ владѣльцевъ не устраняетъ государственнаго контроля въ вопросѣ о распредѣленіи надѣльнаго фонда между крестьянами.

VI.

Законъ 14 декабря 1893 года и разрабатывающая его основныя начала сенатская теорія не представляютъ чего либо совершенно новаго, не являются продуктомъ самобытнаго юриди-

ческаго творчества. Законодательству Германіи и Соединенныхъ Штатовъ извѣстны ограничительныя нормы, касающіяся нераздробляемости земель дальше опредѣленнаго размѣра и сопряженныхъ съ нераздробляемостью юридическихъ послѣдствій. Впрочемъ, и въ отечественномъ законодательствѣ наблюдаются аналогичныя правила, касающіяся заповѣдныхъ имуществъ, съ тою лишь разницею, что наши правила о заповѣдныхъ имуществахъ относятся къ латифундіямъ, а нормы германскаго и сѣверо-американскаго права имѣютъ въ виду именно мелкое землевладѣніе.

Подъ вліяніемъ римскаго права землевладѣніе Западной Европы прониклось характеромъ индивидуализма. Крайняго своего проявленія этотъ характеръ землевладѣнія достигъ во Франціи, гдѣ земля подлежитъ безконечному дробленію и безграничной свободѣ распоряженій владѣльцевъ. (Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что именно отно-

сительно французскихъ мелкихъ землевладѣльцевъ сказано еще въ дореволюціонную эпоху, что „магическая сила права собственности превращаетъ морской песокъ въ золото“, и что право собственности обращаетъ безплодную скалу въ цвѣтущій садъ). Конечно, и во Франціи наблюдалось въ свое время движеніе противъ раздробленія земель, противъ „обращенія земли въ пыль“. Сторонники свободы землевладѣнія и дробимости земель не боялись однако, „пульверизаціи“, предоставляя это явленіе своему естественному теченію и высказывая увѣренность въ томъ, что „le morcellement des terres s'arrêtera toujours au point au delà duquel il deviendrait funeste“ (Benjamin Constant).

Насколько велика раздробленность земли во Франціи, это видно изъ слѣдующихъ цифръ (Foville, Le morcellement p. 91):

	Количество участковъ.	% отношеніе.
Мельчайшія владѣнія (отъ 0 до 2 гектаровъ)	10.426368	74,09
Мелкія владѣнія (отъ 2 до 6 гектаровъ) . . .	2.174188	15,47
Среднія владѣнія (отъ 6 до 50 гектаровъ) . .	1.351,499	9,58
Большія владѣнія (отъ 50 до 200 гектаровъ) .	105,070	0,74
Крупныя владѣнія (болѣе 200 гектаровъ) . .	17,676	0,12

Такъ какъ гектаръ почти равенъ нашей десятинѣ (1 десятина=1,0925 гектара) то, переводя приведенныя цифры на нашу мѣру, получимъ, что три четверти земельныхъ французскихъ владѣній принадлежатъ къ категоріи мельчайшихъ, не превышающихъ по своимъ размѣрамъ нашего т. наз. „нищенскаго надѣла“. Французскіе законы, обезпечивающіе полную свободу распоряженія землей, способствуютъ измельчанію земли, разложенію крупнаго землевладѣнія въ мелкое. Самыя понятія крупнаго и мелкаго землевладѣнія весьма относительны. Приведенныя цифры показываютъ, что французскія большія и крупныя владѣнія

у насъ были бы отнесены къ категоріи мелкопомѣстнаго землевладѣнія, а о нашихъ крупныхъ помѣщичьихъ экономіяхъ французы могли бы имѣть развѣ теоретическія представленія.

Измельчаніе земли не составляетъ характерной черты одного лишь французскаго землевладѣнія. Наполеоновъ кодексъ распространилъ свободу раздѣловъ земли и на правый берегъ Рейна. Но здѣсь принципъ безграничнаго дробленія земли встрѣтилъ отпоръ со стороны противоположнаго начала, отстаивающаго нераздробляемость земли. Старое начало германскаго права, начало цѣлостности крестьянскаго хозяйства воспрянуло въ Ганноверѣ и въ Вестфаліи съ полной силой. Не принудительнымъ, а факультативнымъ характеромъ отличаются относящіяся къ вопросу о цѣлости и единствѣ крестьянскаго хозяйства мѣры; но въ этихъ мѣрахъ крестьяне увидѣли такой дѣйствительный способъ сохраненія цѣлости своихъ хозяйствъ, что число до-

бровольно подчиняющихся ограничительнымъ нормамъ домохозяевъ постоянно возрастаетъ.

До рецепціи римскаго права, въ Германіи распространенъ былъ взглядъ, по которому недвижимое имущество не составляло объекта неограниченныхъ распоряженій владѣльца, а считалось до извѣстной степени принадлежащимъ и наслѣдникамъ владѣльца: отсюда, владѣлецъ не въ правѣ своею односторонней волей опредѣлять судьбу имущества на случай своей смерти, но и при жизни онъ не можетъ совершать отчужденія своего недвижимаго имущества безъ согласія своихъ будущихъ наслѣдниковъ (Anerben), которые, въ противномъ случаѣ, могли путемъ иска потребовать отъ пріобрѣтателя возвращенія имущества. Рецепція римскаго права произвела въ области наслѣдованія полный переворотъ, создавъ для владѣльца полный просторъ распоряженія недвижимыми имуществами на случай смерти; только въ

нѣмецкомъ крестьянствѣ сохранили свою силу старыя понятія о принадлежности земли семьѣ, а не ея представителю, и связанныя съ этимъ представленіемъ ограниченія владѣльца. Этому представленію обязаны своимъ успѣхомъ законы, касающіеся правъ наслѣдниковъ на состоящій во владѣніи домохозяина земельный участокъ. Начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до половины 80-хъ разрабатывались законы объ упорядоченіи крестьянскаго землевладѣнія, законы, направленные къ поддержанію цѣлости крестьянскаго хозяйства и къ предотвращенію дробленія земли. Законъ 2 іюня 1874 года о подворномъ правѣ въ провинціи Ганноверѣ съ одной стороны отмѣнилъ всѣ существовавшія ограниченія, касавшіяся крестьянскаго землевладѣнія, подчинивъ крестьянъ общимъ гражданскимъ нормамъ, а съ другой стороны создалъ факультативное подворное право, отдѣльныя положенія коего представляются въ

слѣдующемъ видѣ: подворному праву подлежатъ дворовые участки съ находящимися на нихъ жилыми постройками, если эти участки, по желанію владѣльцевъ, будутъ внесены въ подворный списокъ (Hoferolle); не могутъ быть вносимы въ этотъ списокъ имѣнія, дающія ихъ владѣльцу право участвовать въ ландтагахъ,—слѣдовательно законъ касается лишь мелкаго землевладѣнія (въ 1884 г. это ограниченіе отмѣнено); въ списокъ вносятся земельные участки съ ихъ законными принадлежностями. Внесеніе двора въ подворный списокъ не лишаетъ владѣльца права собственности на подворный участокъ, права распоряженія имъ при жизни и на случай смерти; дѣйствіе нормы подворнаго права обнаруживается лишь въ случаѣ смерти владѣльца, не оставляющаго послѣ себя завѣщанія: тогда внесенный въ подворный списокъ земельный участокъ долженъ достаться одному наслѣднику, тогда какъ прочіе сонаслѣдники получаютъ

денежный сплатъ, опредѣляемый капитализаціей чистаго годового дохода, принимаего за 5%; впрочемъ, изъ этой суммы подлежатъ уплатѣ наслѣдникамъ лишь двѣ трети, а одна треть остается за единонаслѣдникомъ. Въ случаѣ смерти владѣльца, у котораго было нѣсколько подворныхъ участковъ, то каждый изъ нѣсколькихъ его нисходящихъ наслѣдниковъ можетъ получить по отдѣльному двору.

Хотя Ганноверскій законъ создалъ лишь факультативное право внесенія земли въ подворный списокъ, однако, отвѣчая потребностямъ культурнаго крестьянскаго населенія, законъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ, что къ 1880 г. изъ 100 тысячъ дворовъ въ Ганноверской провинціи уже 61 тысяча внесены были въ подворные списки.

Факультативность внесенія имѣній въ подворные списки, характеризующая Ганноверскій законъ, отразилась и на послѣдующемъ законодательствѣ въ разныхъ частяхъ Германіи, хотя

и существовали серьезные проекты, безотносительно ко внесенію имѣнія въ подворный списокъ, признать нераздѣльность имѣнія, переходящаго въ порядкѣ законнаго наслѣдованія.

Ганноверскимъ закономъ достигается возможность явленія, діаметрально противоположнаго тому, какое наблюдается во Франціи: предотвращеніе дробленія земли между наслѣдниками. Правда, не всѣ земли изъемляются изъ категоріи дѣлимыхъ объектовъ, а лишь тѣ, которыя внесены въ особый реестръ; но по крайней мѣрѣ для такихъ земель безграничная дробимость отпадаетъ, если владѣлецъ не распорядится иначе. Законодатель, создавая подобный законъ, и владѣлецъ, добровольно подчиняющійся этому закону, явно обнаруживаютъ свою точку зрѣнія: разъ образовавшееся имѣніе не должно въ силу случайной причины—смерти владѣльца—подвергнуться распаду, потому что лишь въ первоначальномъ своемъ объемѣ оно способно бы-

ло удовлетворять своему экономическому назначенію; но эта точка зрѣнія не лишаетъ владѣльца возможности и права сознательно дробить свое имѣніе—путемъ прижизненныхъ отчужденій и въ силу духовныхъ завѣщаній. Взгляды старонѣмецкаго права нашли свое отраженіе въ новѣйшемъ законодательствѣ лишь въ ослабленномъ и сильно модифицированномъ видѣ. Успѣхъ новѣйшихъ мѣропріятій покоился въ Германіи на историческихъ основахъ. Но старонѣмецкіе взгляды обязаны своимъ воскрешеніемъ не одной исторіи; очевидно, взгляды эти отвѣчаютъ и экономическимъ потребностямъ. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ историческихъ традицій ждать не приходится, потребность въ недѣлимости земли также была сознана и привела къ однообразному въ отдѣльныхъ штатахъ законодательству о нераздробляемости земель. Американскіе опыты въ этомъ направленіи послужили образцомъ и для Европы.

VII.

Сѣверо-Американское законодательство о недѣлимыхъ недвижимыхъ имуществахъ возникло подъ вліяніемъ сложныхъ экономическихъ явленій. Съ 1784 г. не оккупированныя земли были размежеваны на квадраты, соотвѣтственно линіямъ широты и долготы, по 6 кв. англійскихъ миль. Эти квадраты въ свою очередь раздѣлены на 36 квадратовъ, заключающихъ въ себѣ каждый—по 1 квадратной милѣ или по 640 акровъ (приблизительно 250 десятинъ), и наконецъ эти квадраты дѣлятся на четыре части по 160 акровъ въ каждой; (въ нѣкоторыхъ штатахъ дѣленіе доводится до 80 акровъ—приблизительно 32 десятинамъ). Вотъ эти подраздѣленія носятъ названіе homestead, обозначая земельный участокъ не подлежащій раздробленію.

Развитіе законодательства о нераздробляемыхъ участкахъ обусловлено

было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія тяжкимъ экономическимъ кризисомъ, когда огромныя массы населенія средняго достатка оказались несостоятельными должниками. Для обезпеченія семей несостоятельныхъ должниковъ тогда и обратились къ законамъ о недробимости участковъ, свободныхъ въ то-же время отъ обращенія на нихъ взысканій (homestead exemption). Размѣръ и стоимость земли изъятой отъ взысканій, по законодательствамъ отдѣльныхъ штатовъ, представляютъ большое различіе и колебаніе. Но всѣмъ законодательствамъ свойственны слѣдующія начала. Экзимированный участокъ ни по какимъ основаніямъ не подлежитъ дробленію; въ обладаніи домохозяина можетъ состоять только одинъ такой участокъ; на такой участокъ не можетъ быть обращаемо взысканіе тѣхъ долговъ домохозяина, которые возникли до пріобрѣтенія экзимированнаго участка, и отчужденіе подобнаго участка можетъ быть произ-

ведено домохозяиномъ не иначе какъ съ согласія его жены. Основныя начала законовъ о homestead показываютъ, что обладаніе такими участками не исключаетъ ихъ отчуждаемости; но цѣль законодательства заключается не въ томъ, чтобы содѣйствовать мобилизаціи этихъ мелкихъ участковъ, и именно въ томъ, чтобы сохранить для земледѣльческаго быта возможный объектъ хозяйства—землю. Не юридически, а фактически экзимированные участки являются мало пригоднымъ объектомъ для залога, во всякомъ случаѣ для такого залога, въ которомъ заимодавецъ являлся бы профессіональнымъ ипотечнымъ кредиторомъ.

Нормы американскаго законодательства преслѣдуютъ обезпеченіе быта земледѣльческихъ семей, ведущихъ хозяйство на недѣлимомъ участкѣ. Съ этой точки зрѣнія американское законодательство заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія и въ тѣхъ странахъ, гдѣ главную массу населенія состав-

ляютъ земледѣльцы. Конечно, рѣчь не можетъ идти о пересадкѣ американскихъ нормъ на европейскую почву. въ Америкѣ при раздѣленіи земель на экзимированные участки населенія было мало, земель много, и къ тому-же наблюдалось отсутствіе историческихъ традицій; въ Европѣ населеніе плотно, земель мало и землевладѣніе проникнуто историческими началами. Но американское законодательство о недѣлимыхъ участкахъ по своей основной идеѣ не чуждо германскому представленію о недробимыхъ хозяйствахъ.

Сопоставляя наше законодательство, касающееся мелкаго землевладѣнія, съ разсмотрѣнными европейскими и американскими законами, не трудно замѣтить отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ правилъ общихъ для всѣхъ типовъ мелкаго землевладѣнія. Недробимость земли намѣчена относительно надѣловъ, а къ бывшимъ чиншевымъ участкамъ правила о нераздробляемости не нашли примѣненія. Сенатская

практика на почвѣ нераздробляемости надѣла создала особую теорію крестьянскаго землевладѣнія, не доведя ее однако до конца и не устраняя возможности дробленія надѣла на части не пригодныя стать объектомъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Если отправляться отъ недѣлимости надѣла, какъ необходимаго условія обезпеченія быта крестьянскихъ семей, то послѣдовательное проведеніе этого взгляда установило-бы полную заповѣдность крестьянскихъ надѣловъ и сообщило-бы имъ характеръ внѣоборотныхъ имуществъ. Въ подробностяхъ нормы надѣльнаго землевладѣнія представлялись-бы въ такомъ видѣ: надѣлы предназначенные къ обезпеченію быта крестьянскихъ семей представляютъ собою имущество неотчуждаемое и нераздробляемое; отсюда, слѣдовало-бы установить, надѣлы ни въ коемъ случаѣ не подлежатъ отчужденію ни въ цѣломъ составѣ своемъ, ни по частямъ. Значитъ, ни продавать,

ни дарить, ни закладывать, ни завѣщать надѣла нельзя, и всякая сдѣлка совершаемая въ противность этому правилу, должна была-бы почитаться ничтожною. Современная теорія крестьянскаго землевладѣнія, теорія, развивающаяся въ особенности на почвѣ ограничительнаго закона 14 декабря 1893 года, въ значительной мѣрѣ приближается къ этой характеристикѣ юридическаго положенія надѣла. На этой почвѣ надѣльныя земли объявлены имуществомъ завѣщанію не подлежащимъ. Это не выраженіе взгляда законодателя, это только выводъ Сената (рѣш. общ. собр. 1897 года № 29), получившій значеніе непререкаемой нормы права. И въ самомъ дѣлѣ, если надѣлъ не признается принадлежащимъ домохозяину по праву индивидуальнаго обладанія, то какъ же этотъ домохозяинъ могъ бы завѣщать надѣлъ, составляющій достояніе всѣхъ членовъ семьи? Если не въ правѣ завѣщать его домохозяинъ, но тѣмъ менѣе мо-

жетъ завѣщать его каждый изъ членовъ семьи. Но что препятствуетъ каждому члену семьи, въ томъ числѣ и домохозяину, распорядиться своимъ правомъ на участіе въ пользованіи и владѣніи надѣломъ? Этому мѣшаетъ фикція, признающая надѣлъ за недробимую хозяйственную цѣлость, служащую интересамъ „двора“, „рабочаго союза“: свобода завѣщательныхъ распоряженій привела бы къ опроверженію фикціи, представленіе о единствѣ рабочаго союза было бы уничтожено, если бы путемъ завѣщаній право на надѣлъ перешло бы къ посторонним двору лицамъ. По этимъ-же соображеніямъ не допускается ни продажа, ни дареніе, ни залогъ надѣла. Но выше уже было сказано, что представленіе о единствѣ двора и надѣла не болѣе, какъ фикція. На самомъ дѣлѣ крестьяне въ эту фикцію не вѣрятъ, и спокойно совершаютъ всякаго рода сдѣлки относительно надѣла, сдѣлки покрываемыя затѣмъ давностью. Значитъ,

для того чтобы запрещеніе совершать отчужденіе надѣльной земли имѣло бы серьезное значеніе, необходимо было бы признать, что никакая сдѣлка относительно надѣла не имѣетъ юридическаго значенія, и что исковая давность въ спорахъ о надѣлѣ не можетъ имѣть примѣненіе, потому что пока изъ подъ дѣйствія законовъ о давности исковой крестьянскіе надѣлы не изъяты, постоянно будутъ встрѣчаться наблюдаемыя и нынѣ явленія, что неправомѣрная съ точки зрѣнія существующаго закона сдѣлка объ отчужденіи надѣла перенесетъ владѣніе надѣломъ или его частью на лицо двору постороннее, а затѣмъ искъ о поворотѣ владѣнія будетъ отраженъ возраженіемъ о давности исковой, въ результатѣ чего получится, что надѣлъ фактически и на основаніи судебнаго рѣшенія будетъ раздробленъ и окажется состоящимъ во владѣніи лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ семьямъ и къ разнымъ дворамъ. Но до провоз-

глашенія непримѣнимости законовъ объ исковой давности къ крестьянскимъ надѣламъ не дошелъ Сенатъ, признававшій однако, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, что законы о давности исковой не примѣнимы къ церковнымъ землямъ. Да и что бы произошло съ нынѣшнимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, если бы признать, что къ искамъ крестьянъ о землѣ давность не примѣнима? Вѣдь спорамъ первоначальныхъ владѣльцевъ надѣла и ихъ наслѣдниковъ не было бы конца. Если въ судебной практикѣ бывали случаи, что духовныя консисторіи предъявляли иски къ нынѣшнимъ добросовѣстнымъ владѣльцамъ о землѣ, которая нѣкогда, иногда нѣсколько столѣтій назадъ, вышла изъ обладанія церкви, то можно себѣ представить, какая масса исковъ возникла бы по поводу земель надѣльныхъ, не имѣющихъ за собою еще и полувѣковой исторіи?

Въ настоящее время возраженіемъ о давности можетъ быть отраженъ всѣ-

кій искъ о надѣлѣ, какъ и всякій иной искъ объ имуществѣ, и это потому что какъ правосознанію крестьянъ, такъ и правосознанію судебныхъ мѣстъ чуждо представленія о надѣлѣ, какъ объ имуществѣ внѣоборотномъ: для крестьянъ право на надѣлъ представляется такимъ-же имущественнымъ правомъ, какъ и право на всякую иную землю; для судебныхъ мѣстъ и для Сената заповѣдный характеръ владѣнія надѣломъ оказывается предположеніемъ, но не требованіемъ положительнаго права: отсюда колебаніе и непослѣдовательности въ практикѣ и неопредѣленность правъ крестьянъ на состоящія въ ихъ владѣніи надѣльныя земли. Невыясненность характера правъ крестьянъ на землю не должна имѣть мѣста. Сама жизнь требуетъ разрѣшенія этого вопроса, и требованія жизни станутъ еще настойчивѣе, когда завершена будетъ выкупная операція. Какъ-же разрѣшитъ законодатель вопросъ о правѣ крестьянъ на надѣлъ въ смыслѣ

установленія заповѣднаго характера надѣльныхъ земель?

VIII.

Разрѣшеніе вопроса о характерѣ владѣнія надѣломъ въ смыслѣ признанія заповѣдности надѣла противорѣчило-бы обѣщаніямъ, даннымъ законодателемъ въ 1861 году, не соотвѣтствовало-бы современному положенію крестьянскаго землевладѣнія и распространеннымъ среди крестьянъ взглядамъ на свойства ихъ владѣнія.

Владѣніе землею стремится къ индивидуальности, находящей высшее свое выраженіе въ превращеніи владѣнія въ право собственности. Къ индивидуальности стремится и крестьянское владѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, не владѣютъ-же крестьяне по теоріи Сената, составляя будто-бы единую семью, дворъ, рабочій союзъ, работая будто бы въ интересахъ отвлеченныхъ этихъ понятій. Нѣтъ, каждый изъ крестьянъ

владѣетъ своею землею на себя, въ свою личную пользу, владѣетъ не каждымъ атомомъ надѣла совмѣстно съ прочими членами двора, а владѣетъ отдѣльною частью усадьбы, отдѣльной полосой земли полевой. Любой крестьянинъ съ понятіемъ двора отождествляетъ свое хозяйство, и дворовъ, по крестьянскимъ понятіямъ, столько, сколько самостоятельныхъ хозяйствъ, а не столько, сколько хозяйственныхъ единицъ значится по подворной описи. Владѣя такимъ образомъ каждый своею частью въ отдѣльности, сознавая свою связь съ прочими членами теоретическаго двора лишь по вопросу о раскладкѣ выкупныхъ платежей, крестьянинъ не можетъ понять, почему онъ не въ правѣ распорядиться своимъ надѣломъ или своей полосой путемъ совершенія прижизненныхъ сдѣлокъ и духовнаго завѣщанія: и на самомъ дѣлѣ онъ и распоряжается своей землею, только не въ формахъ, закономъ установленныхъ, а въ формахъ, вырабо-

танныхъ деревенскими юристами.

Нельзя не считаться съ этимъ рѣзко выраженнымъ стремленіемъ крестьянъ къ индивидуальному обладанію. За крестьянами неизбѣжно придется признать на состоящіе въ ихъ владѣніи надѣльные участки право собственности, не опасаясь „распыленія“ земли, какъ не побоялись признать допустимость безграничнаго дробленія земли во Франціи. Сопутствующее обыкновенно дробленію земли опасеніе обезземеленія крестьянъ, какъ уже сказано выше, неосновательно, потому что у крестьянъ наблюдается стремленіе къ пріобрѣтенію земли, а не къ отчужденію ея. Но свобода распоряжаться крестьянскимъ надѣломъ не должна быть безграничной, въ виду особаго государственнаго назначенія надѣла. При безграничной свободѣ распоряженія надѣломъ и его частями легко можетъ возникнуть опасность скопленія въ рукахъ немногихъ хозяевъ-кулаковъ надѣльныхъ участковъ, принадлежащихъ эко-

номически слабымъ лицамъ. На помощь такимъ слабосильнымъ хозяевамъ долженъ придти законодатель, примиряя интересы индивидуальнаго владѣнія съ интересами государственнаго назначенія надѣла. Это примиреніе могло бы быть достигнуто не путемъ полнаго признанія неотчуждаемости и нераздробляемости надѣльнаго участка, а путемъ государственнаго контроля надъ распредѣленіемъ надѣльныхъ земель; съ принципіальнымъ признаніемъ свободы распоряженій надѣльными участками, такой контроль могъ бы выражаться въ томъ, что надѣльный земельный фондъ, удовлетворяя своему государственному назначенію, былъ-бы поставленъ въ условія, исключающія возможность спекуляціи и сосредоточенія многихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ. Условія эти свелись бы къ тому, что надѣльныя земли, подобно американскимъ homesteads, подлежали бы пріобрѣтенію лишь со стороны тѣхъ крестьянъ, у которыхъ не имѣется во-

все надѣльной земли, или-же имѣется таковая не въ полной мѣрѣ того максимальнаго количества, которое признается нормальнымъ для данной мѣстности. И въ дѣйствующемъ Положеніи для Кіевской, Подольской и Волынской губерній содержится правило (ст. 102 кн. IV Особ. прил. Св. З.), по силѣ коего домохозяинъ не можетъ содержать болѣе двухъ подворныхъ участковъ. Примѣняясь къ этому положенію, слѣдовало бы установить правило, что надѣльная земля можетъ состоять во владѣніи отдѣльнаго крестьянина лишь въ размѣрѣ, не превышающемъ извѣстнаго количества, напримѣръ, въ размѣрѣ, не превышающемъ максимальнаго надѣла для данной мѣстности, съ тѣмъ, чтобы всякое пріобрѣтеніе надѣльной земли за этимъ предѣломъ считалось недопустимымъ. Ограниченію такимъ образомъ подлежало-бы не право отчужденія, а право пріобрѣтенія надѣльной земли; въ правѣ же отчужденія своей земли крестьянинъ-

собственникъ не былъ-бы стѣсненъ. При разрѣшеніи вопроса въ этомъ направленіи было бы, во-первыхъ, исполнено обѣщаніе законодателя превратить крестьянъ въ собственниковъ земли, во-вторыхъ, восторжествовалобы и теперь рѣзко выраженное стремленіе крестьянъ въ индивидуальному обладанію и права крестьянъ на надѣльныя земли пріобрѣли бы юридическую опредѣленность и точность, и, въ третьихъ, не упущено было бы изъ вниманія государственное назначеніе надѣльной земли. Цѣль государственнаго контроля надъ распредѣленіемъ надѣльной земли между крестьянами должна заключаться въ томъ, чтобы надѣльныя земли не соединялись въ немногихъ рукахъ. Въ этихъ видахъ каждый крестьянинъ можетъ открыть себѣ въ мѣстной земельной книгѣ, такъ сказать, особый счетъ своего земельнаго обезпеченія надѣльной землею, и счетъ этотъ не закрывается до того времени, пока количество показанной въ

немъ земли не достигнетъ опредѣленнаго для данной мѣстности размѣра; а какъ только размѣръ этотъ будетъ достигнутъ, дальнѣйшія пріобрѣтенія надѣльныхъ участковъ становятся невозможными. Такая конструкція приведетъ къ тому, что каждый крестьянинъ-собственникъ можетъ продавать, дарить, закладывать, завѣщать свою землю; но пріобрѣтеніе этой земли въ собственность открыто будетъ лишь для тѣхъ крестьянъ, которые еще не имѣютъ надѣла или не имѣютъ полной мѣры мѣстнаго максимальнаго участка. Разъ будетъ создано такое препятствіе къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ надѣловъ, то само собою получится, что надѣлъ перестанетъ быть объектомъ, пригоднымъ для спекуляціи, потому что покупать землю станетъ лишь тотъ, кому, по состоянію его надѣльныхъ владѣній, это будетъ доступно, т. е. только тотъ, кто или вовсе не имѣетъ надѣла, или имѣетъ меньшую мѣру на-

дѣльной земли; равнымъ образомъ, въ залогъ станетъ принимать надѣльную землю лишь тотъ, кто въ правѣ будетъ въ крайнемъ случаѣ оставить землю за собою. Надѣльныя земли такимъ образомъ обратятся въ объектъ владѣнія и пользованія, но не спекулятивнаго пріобрѣтенія; а разъ нельзя будетъ безъ мѣры пріобрѣтать надѣльныя земли, то не представится основаній опасаться скопленія земель въ немногихъ рукахъ. Обезземеленіе будетъ предотвращено не потому, что нельзя будетъ продавать надѣлы, а потому, что нельзя будетъ ихъ покупать свыше извѣстной мѣры. Разумѣется, для того, чтобы предлагаемый способъ распредѣленія надѣльныхъ земель имѣлъ серьезное значеніе, необходимо, чтобы внѣ книжнаго пріобрѣтенія никакое другое основаніе не имѣло силы, и чтобы законы о давности не примѣнялись къ надѣльнымъ участкамъ, превышающимъ размѣръ мѣстнаго максимальнаго надѣла. Для

того, чтобы надѣлъ не утратилъ характера земельнаго фонда, обезпечивающаго крестьянъ, слѣдуетъ сохранить изъ дѣйствующаго законодательства и то положеніе, что надѣльныя земли могутъ принадлежать лишь лицамъ, входящимъ въ составъ даннаго земельнаго общества.

Подобный порядокъ распредѣленія земель имѣетъ въ сравненіи съ нынѣ существующимъ положеніемъ крестьянскаго землевладѣнія уже то преимущество, что это есть порядокъ, тогда какъ въ настоящее время можно констатировать лишь отсутствіе всякаго порядка, полную неопредѣленность и шаткость признаваемыхъ за крестьянами правъ на надѣлъ. Въ признаніе за крестьянами права собственности на ихъ надѣлъ найдутъ свое осуществленіе аформизмы о скалѣ, превращаемой въ цвѣтущій садъ, и о пескѣ, обращаемомъ въ золото. Въ ограниченіи размѣра надѣльныхъ владѣній обнаружится государственный контроль надъ

распредѣленіемъ земель и въ области надѣльнаго землевладѣнія найдетъ свое примѣненіе и оправданіе формула: земля—для земледѣльца.

Надѣльныя земли обезпечиваютъ бытъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Ограниченіе пріобрѣтенія надѣльныхъ земель не можетъ служить препятствіемъ къ развитію благосостоянія отдѣльныхъ крестьянъ; но это благосостояніе должно развиваться не на счетъ надѣльнаго фонда, путемъ скопленія въ немногихъ рукахъ надѣльныхъ земель, а можетъ развиваться на счетъ земель внѣнадѣльныхъ, владѣніе которыми подчинено общимъ гражданскимъ законамъ.

Сопутствующая праву собственности свобода распоряженій землею не предрѣшаетъ вопроса о способахъ веденія земледѣльческаго хозяйства. Прежде всего нужно разрѣшить вопросъ о томъ, каковъ характеръ признаваемаго за крестьянами права на надѣлъ. Когда вопросъ этотъ будетъ

разрѣшенъ въ смыслѣ признанія за крестьянами права собственности, то отъ здраваго смысла хозяевъ и отъ общаго подъема культурныхъ условій крестьянской жизни будетъ зависѣть, въ какихъ формахъ будетъ осуществляться хозяйственная дѣятельность мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ.

IX.

Признаніе за крестьянами права собственности на надѣльныя земли съ ограниченіемъ размѣра надѣльнаго владѣнія является способомъ примиренія двухъ крайнихъ теченій, изъ коихъ одно находитъ свое выраженіе въ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ, выработанномъ комиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а другое отражаетъ въ „Запискѣ по крестьянскому дѣлу“ статсъ-секретаря С. Ю. Витте.

Для редакторовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ современное положеніе крестьянскаго землевладѣнія только по-

тому не представляется идеаломъ, что у крестьянъ имѣются земли и не подлежащія правиламъ о надѣлахъ. По проекту правиламъ о надѣльныхъ земляхъ подлежатъ не только земли, надѣленныя по Положенію 19 февраля 1861 г., но и земли, пріобрѣтенныя крестьянскими обществами на общественные капиталы, а также и всякія другія земли, пріобрѣтаемыя крестьянами, по особому ихъ о томъ ходатайству и съ разрѣшенія губернскаго присутствія. Комиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не хочетъ считаться съ тѣмъ, что крестьяне тяготятся современнымъ положеніемъ надѣльнаго землевладѣнія, что искусственное понятіе двора чуждо ихъ правосознанію, что каждый крестьянинъ смотритъ на себя, какъ на неограниченнаго собственника состоящаго въ его владѣніи земельнаго участка. Присущій въ настоящее время одинѣмъ только надѣльнымъ землямъ по положенію 19 февраля 1861 года заповѣдный характеръ, по мысли ре-

дакторовъ, долженъ распространиться и на все вообще крестьянское землевладѣніе. Редакторы идутъ дальше германскаго факультативнаго Anerbenrecht и американскихъ homestead exemption laws. Наше крестьянское землевладѣніе на всегда должно оставаться связаннымъ и подчиненнымъ опекѣ специфически крестьянскихъ административныхъ мѣстъ и лицъ. Если бы проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ создавалъ стройную систему правилъ о владѣніи надѣломъ, то еще можно было-бы оправдать предлагаемую редакторами конструкцію; но дѣло въ томъ, что проектъ представляетъ собою лишь кодификацію разрозненныхъ положеній, высказанныхъ Сенатомъ по поводу отдѣльныхъ казусовъ, а отъ кодификаціи этихъ положеній не приходится ожидать ничего добраго.

И въ самомъ дѣлѣ, остановимся на первомъ вопросѣ—кому принадлежитъ надѣлъ, и что это за право на надѣлъ? О правѣ собственности на надѣлъ про-

ектъ говорить только по поводу подворнаго владѣнія; а при владѣніи общинномъ земля находится лишь во владѣніи и пользованіи крестьянъ, тогда какъ право собственности принадлежитъ земельному обществу (ст. 4). Но это право собственности, признается-ли оно за дворомъ или за обществомъ, оказывается совсѣмъ не тѣмъ, какое мы представляемъ себѣ, говоря о „юридическомъ господствѣ“ лица надъ имуществомъ. Это, прежде всего, не право индивидуальной собственности, а собственности общей въ нераздѣльномъ имуществѣ; это право принадлежитъ коллективному субъекту—двору, состоящему изъ домохозяина и членовъ (стр. 19, 20, 29). „Домохозяинъ“ не есть хозяинъ земли: онъ глава и представитель двора. Это не субъектъ частнаго права, а скорѣе полицейская должность, лицо, слѣдящее за порядкомъ во дворѣ, исполнительный органъ воли двора: по ст. 46 „отчуждать усадебный участокъ,

а равно отдавать его въ наемъ на срокъ свыше года домохозяинъ въ правѣ лишь съ согласія жены и всѣхъ совершеннолѣтнихъ, или, хотя и несовершеннолѣтнихъ, но вступившихъ въ бракъ, членовъ двора мужского пола"; съ другой стороны „хозяйственное распоряженіе надѣломъ и общее завѣдываніе хозяйствомъ крестьянскаго двора принадлежатъ домохозяину, какъ главѣ и представителю двора" (стр. 29). Въ области хозяйственной домохозяинъ—своего рода земскій начальникъ во дворѣ, или „подворный начальникъ", субъектъ права публичнаго, но не частнаго. Дорожа такимъ положеніемъ домохозяина, проектъ подробно (стр. 29—40) останавливается на вопросѣ о томъ, въ какомъ порядкѣ замѣщается эта должность, а вопросы частнаго права остаются и въ проектѣ совершенно невыясненными. И на эту невыясненность и неопредѣленность правъ крестьянъ на надѣлъ проектъ обрекаетъ не только надѣльное, но и пена-

дѣльное землевладѣніе крестьянъ, подчиняя и внѣнадѣльныя земли правиламъ о надѣлѣ! Здѣсь сдѣлано какъ-бы намѣренно все для того, чтобы поддерживать среди крестьянъ постоянное недовольство земельными порядками, чтобы неопредѣленностью характера принадлежащаго крестьянамъ права на землю устранить возможность развитія благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, лишенныхъ увѣренности въ прочности своего отношенія къ главному объекту своей хозяйственной дѣятельности.

Неудивительно, что это крайнее направленіе законодательной политики, къ счастью, еще только въ проектѣ, направленіе, обрекающее крестьянъ на вѣчное состояніе подъ опекой, вызываетъ отпоръ со стороны представителей другого теченія законодательной политики, провозглашающей полную свободу владѣнія, пользованія и распоряженія надѣльными землями. По взгляду С. Ю. Витте (Записка, стр. 93) „принадлежность права на началѣ лич-

номъ является условіемъ, безъ котораго немыслимо развитіе экономическаго благосостоянія нашего крестьянства, ибо поступательное движеніе матеріальной культуры основано на личной предпріимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ разсчетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальное начало вноситъ чрезвычайную ясность и опредѣленность въ частноправовыя отношенія. Сущность-же семейнаго владѣнія заключается въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ въ составѣ двора, какъ семейно-трудового союза". Съ этимъ общимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Но, спрашивается, должно-ли индивидуальное начало безгранично восторжествовать надъ противоположнымъ ему коллективнымъ началомъ? Можно-ли разсчитывать, что при торжествѣ индивидуальнаго начала сохранено будетъ государственное назначеніе надѣла? Не поведетъ-ли такая

конструкція къ обезземеленію крестьянъ, къ сосредоточенію въ сравнительно немногихъ рукахъ надѣльнаго земельнаго фонда? Соглашаясь съ тѣмъ, что индивидуальное начало вноситъ чрезвычайную ясность и опредѣленность въ частноправовыя отношенія, нельзя, однако, признать, что въ области надѣльнаго землевладѣнія роль законодателя можетъ ограничиться распространеніемъ на надѣлъ общихъ законовъ, въ результатѣ чего получилось бы, что государственная задача установленія уравнительнаго землепользованія оказалась бы совсѣмъ неразрѣшимою Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Г. А. Евреинова (Крестьянскій вопросъ, стр. 105), что „законы о крестьянскомъ землепользованіи должны имѣть своей конечной цѣлью образованіе въ границахъ надѣльныхъ земель мелкой земельной собственности въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для послѣдовательнаго прогресса сельскохозяйственной культуры“.

Это мнѣніе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія уже потому, что оно не считаетъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса распространеніе на крестьянское землевладѣніе готовыхъ формулъ сенатской практики или общихъ гражданскихъ законовъ: нельзя ограничиваться ни тѣмъ, ни другимъ, а нужно имѣть смѣлость приступить къ разрѣшенію задачи, возникающей предъ законодателемъ въ виду скораго уже прекращенія нынѣшняго временнаго характера крестьянскаго землевладѣнія. Признаніе за крестьянами права собственности на надѣлъ—соотвѣтствуетъ обѣщанію, содержащемуся въ основномъ законодательномъ актѣ, въ положеніи 1861 г. Но это не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы обсудить вопросъ объ уравнительномъ землевладѣніи крестьянъ подъ контролемъ государственной власти: пусть восторжествуетъ индивидуальное начало, но лишь въ тѣхъ границахъ, которыя сохранили-бы за надѣломъ

характеръ земельнаго фонда, обезпечивающаго мелкаго земельнаго собственника. Какъ сложится при разрѣшеніи вопроса о характерѣ права на надѣлъ крестьянское землепользованіе, это будетъ зависѣть отъ условій экономическихъ. У насъ, къ сожалѣнію, экономическій вопросъ о характерѣ землепользованія и юридическій вопросъ объ основаніяхъ крестьянскаго землевладѣнія смѣшиваются одинъ съ другимъ, и доводами, касающимися перваго вопроса, стараются опровергать возможность разрѣшенія вопроса о признаніи за крестьянами права индивидуальной собственности. На самомъ-же дѣлѣ, признаніе за крестьянами, владѣющими въ настоящее время своими надѣльными участками, индивидуальной собственности не предрѣшаетъ вопроса о характерѣ ихъ землепользованія.

X.

Надѣльныя земли въ данную минуту распредѣлены между крестьяна-

ми, состоя въ ихъ постоянномъ пользованіи. Для элемента права собственности—владѣніе и пользованіе признаются за крестьянами, но не признается третій—возможность распоряжаться землею „исключительно и независимо отъ лица посторонняго". Предположимъ однако, что и этотъ третій элементъ признанъ за крестьянами. Какъ отразится это на крестьянскомъ землепользованіи? До того времени, пока у крестьянъ будетъ существовать наблюдаемая теперь черезполосица, нельзя ожидать измѣненія характера пользованія землею. Что характеръ права на владѣніе надѣломъ не оказываетъ непосредственнаго вліянія на характеръ пользованія землею, это видно и изъ положенія о выкупѣ, 165 ст. котораго (теперь ст. 114) между прочимъ гласитъ: „если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся за его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестья-

нину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла *крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла,* безъ взноса выкупныхъ платежей". Такимъ образомъ, фактически пользованіе выкупившаго свой надѣлъ крестьянина можетъ остаться такимъ-же, какимъ оно было и до взноса выкупной ссуды; весьма вѣроятно, что оно не измѣнится и послѣ того, какъ выкупившему надѣлъ крестьянину будетъ выдѣлена причитающаяся ему часть земли, не отводимая при томъ къ одному мѣсту, потому что фактическое положеніе выкупленныхъ участковъ среди прочихъ крестьянскихъ земель, а не юридическій титулъ владѣнія обусловливаетъ такой, а не иной порядокъ пользованія; до тѣхъ поръ, пока крестьяне не разселятся, пока владѣніе землею не будетъ осущест-

вляться въ видѣ хуторнаго и участки полевые будутъ находиться въ общемъ фондѣ земельныхъ угодій, до тѣхъ поръ нѣтъ основанія ожидать перемѣнъ въ самомъ порядкѣ пользованія землею. Допустимъ даже, что при общинномъ землевладѣніи за крестьянами признано право собственности на всѣ земли, какія состоятъ въ настоящее время, отъ передѣла до передѣла, въ ихъ владѣніи, а подворные участки, состоящіе въ постоянномъ пользованіи крестьянскихъ дворовъ, признаны ихъ собственностью: до отвода земель къ однимъ мѣстамъ, до прекращенія черезполосицы, едва-ли представится для крестьянъ выгоднымъ и удобнымъ отказываться отъ привычныхъ способовъ обработки земель и слѣдовательно порядка землепользованія. Но какая же здѣсь связь между землепользованіемъ и юридическими основаніями владѣнія надѣльной землею? Въ настоящее время крестьяне воздѣлываютъ только третью часть своихъ полей, находя-

щихся въ одной смѣнѣ; на каждую полоску въ этой смѣнѣ за крестьянскимъ дворомъ признается нѣкоторое право, право временнаго или постояннаго пользованія. Что можетъ измѣниться въ землепользованіи, если вмѣсто права пользованія за крестьянами будетъ признано право собственности? Это будетъ право собственности, ограниченное въ интересахъ сосѣдей, какъ и вообще право собственности на всякую иную недвижимость можетъ быть ограничено, не теряя своего основного характера. Благодаря тому, что собственникъ пользуется своею собственностью ограниченно, онъ не перестаетъ быть собственникомъ, онъ можетъ распоряжаться своимъ правомъ, уступая его отдѣльные элементы или перенося свое право въ полномъ объемѣ, но съ тѣми ограниченіями, какія присущи были его праву: можетъ продавать, дарить, закладывать, завѣщать свое имущество, которое перейдетъ къ пріобрѣтателю въ томъ

объемѣ, въ какомъ оно существовало и у лица отчуждающаго. Если пользованіе надѣломъ было связано со стороны сѣвооборота, то такая хозяйственная связанность надѣла будетъ характеризовать и пользованіе пріобрѣтателя, и это нисколько не отразится на самомъ существѣ права на надѣлъ. Право собственности со стороны пользованія можетъ быть и ограниченнымъ, а со стороны распоряженія будетъ неограничено. Однимъ словомъ, такой или иной характеръ пользованія не оказываетъ вліянія на сущность права крестьянина на надѣлъ.

Разумѣется, въ интересахъ торжества индивидуальной собственности желательно было бы, чтобы крестьяне разселились въ хутора, чтобы усадьба составляла центръ не только хозяйственный, но и топографическій, чтобы полевыя земли каждаго двора были отграничены изгородями отъ сосѣдскихъ земель. Но все это такія desiderata, осуществленіе которыхъ натал-

кивается на бытовыя особенности населенія. Можно всего этого желать, но не слѣдуетъ этого навязывать крестьянскому населенію. Быть можетъ, со временемъ произойдетъ такое разселеніе крестьянъ; во всякомъ случаѣ это вопросъ далекаго будущаго. А теперь, до разселенія крестьянъ по хуторамъ, до упраздненія черезполосицы владѣній, нужно устранить тѣ препятствія, которыя, стоятъ на пути къ признанію индивидуальныхъ правъ, нужно придти къ выводу, что и при черезполосицѣ, и при совмѣстной обработкѣ клочковъ земли выясненіе существа права, принадлежащаго каждому домохозяину, представляется вполнѣ возможнымъ, и что выясненіе это должно привести къ признанію за крестьянами права собственности на надѣлъ.

Если независимо отъ характера землепользованія будетъ признано за крестьянами право собственности на надѣльныя земли, то въ дальнѣйшемъ нужно будетъ положиться на здравый

смыслъ домохозяевъ. Черезполосица можетъ быть упразднена путемъ добровольныхъ обмѣновъ или покупки и продажи надѣльныхъ участковъ. Въ интересахъ округленія надѣловъ нужно будетъ облегчить эти обмѣны въ финансовомъ отношеніи: мѣстные органы, контролирующіе распредѣленіе надѣльныхъ земель между крестьянами, должны быть призваны и къ совершенію актовъ укрѣпленія на обмѣниваемые участки со взиманіемъ пошлинъ въ возможно меньшемъ размѣрѣ, а то и безмездно, такъ какъ отъ этой операціи, въ настоящее время не существующей, казна ничего не потеряетъ, а крестьянское хозяйство, безъ сомнѣнія, много выиграетъ. Спекулятивныя пріобрѣтенія надѣловъ вообще не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ надѣлы отведены крестьянамъ для пользованія и владѣнія, но не для спекулятивныхъ сдѣлокъ; поэтому сдѣлки отчужденія и пріобрѣтенія надѣльныхъ участковъ могли-бы быть совсѣмъ осво-

бождены отъ оплаты крѣпостными и иными пошлинами. Правительство должно придти на помощь крестьянскому землевладѣнію, самимъ-же правительствомъ созданному: помощь эта должна прежде всего выразиться въ содѣйствіи безмездному округленію надѣловъ; при соблюденіи правила о недопустимости соединенія въ рукахъ одного домохозяина большаго количества земли, чѣмъ то, какое считается для данной мѣстности максимальнымъ, надѣлы будутъ распредѣлены между крестьянами съ возможною уравнительностью, но этимъ и долженъ ограничиваться правительственный контроль надъ надѣльнымъ землевладѣніемъ и землепользованіемъ.

Пора уже перестать смотрѣть на крестьянъ, какъ на лицъ, нуждающихся въ постоянной опекѣ со стороны міра, земскаго начальника и всякихъ иныхъ крестьянскихъ начальствъ. Пора отказаться и отъ идеализированія крестьянъ, являющагося продуктомъ

незнакомства съ укладомъ крестьянской жизни и предвзятыхъ взглядовъ на крестьянскій бытъ. Пора, наконецъ, признать крестьянъ за субъектовъ частнаго права, подлежащихъ дѣйствію общихъ законовъ, касающихся землевладѣнія и прочихъ имущественныхъ отношеній. Признаніе за крестьянами права собственности на надѣлъ будетъ имѣть важное значеніе не только въ юридическомъ и экономическомъ отношеніи: оно неизбѣжно приведетъ къ подъему уваженія личности и собственности.

А что-же будетъ съ общиной? Заботиться объ этомъ не дѣло законодателя. Если общинный укладъ крестьянской жизни дорогъ крестьянамъ, и существуетъ помимо административнаго воздѣйствія, то община не погибнетъ: она останется и на будущее время не какъ принудительный союзъ, а какъ продуктъ взаимнаго соглашенія лицъ, владѣющихъ на основаніи прочныхъ титуловъ своими земельными участками.

Послѣ отмѣны круговой поруки для правительства отпали уже солидныя основанія поддерживать общинный строй: если онъ не имѣетъ серьезныхъ основъ—онъ падетъ, и жалѣть объ этомъ не придется; если онъ—не только продуктъ фискальныхъ и административныхъ мѣропріятій, общинный строй въ обновленномъ видѣ переживетъ дѣлаемыя нынѣ слабыя попытки освобожденія личности отъ гнета общества. Нужно, наконецъ, рѣшиться смотрѣть на крестьянъ какъ на взрослыхъ людей, понимающихъ свои пользы и нужды гораздо лучше, чѣмъ понимаютъ ихъ опекающія крестьянъ учрежденія. Нужно и въ вопросахъ землевладѣнія предоставить крестьянъ самимъ себѣ, и результаты личной предпріимчивости, личнаго разсчета, личной трудоспособности скажутся скоро, и это не будутъ тѣ отрицательные результаты, къ какимъ приведено крестьянство благодаря болѣе чѣмъ сорокалѣтнему состоянію двухъ поколѣ-

ній подъ опекой специфическихъ крестьянскихъ учрежденій. Во власти правительства остается еще возможность оказывать многообразное вліяніе на улучшеніе культурныхъ условій жизни крестьянъ—главнымъ образомъ въ области истиннаго просвѣщенія народной массы: разрѣшеніе этой задачи сдѣлаетъ излишней попечительную на каждомъ шагу заботливость, теоретически направленную ко благу, но практически задерживающую культурное развитіе большинства населенія.

БИБЛІОТЕКА
[illegible] СТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.